

ЭТОТ БЕДНЫЙ

Вех. Москва. — 2005. — 24 февр. — с. 12 — 13

НАШ СЕРИАЛ ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕШНИКИ

Что можно сказать, написать о гении, кроме того, собственно, что он — Гений? Что можно сказать о Модесте Мусоргском, после всего того, что сказано и написано о нем? Может быть, и ничего. Может быть, просто надо слушать музыку. Но «просто слушать» не получается, потому что непреодолимо возникает в памяти безжалостный «больничный» портрет кисти Ильи Репина: спившийся композитор, всклокоченная борода, безумный взгляд... Слепое благоговение не годится, но подглядывание в замочную скважину еще гаже. Как соблюсти грань? НЕ впасть ни в тот, ни в другой грех? Вероятно, для этого тоже нужно быть гением — в своем роде. А мы — увь. И потому попытаемся соблюсти если не грань, то хотя бы скромность и послушаем других.

Изумительная книга, всем рекомендую: «Пятеро и другие». Написал Михаил Цетлин — вот имя совершенно неизвестное! А был такой московский интеллигент, литератор. Эсер. Правда, бомб ни в кого не бросал, нрава и характера был скромнейшего, тишайшего.

Водил знакомство с интереснейшими людьми, собирались у него в доме Марина Цветаева, Алексей Толстой, Ходасевич, Есенин.

Потом эмиграция, Париж. И снова — салон, и снова звездная россыпь имен: Бунин, Тэффи, Алданов, а еще Керенский и Миллюков... цвет, соль русского зарубежья!

И всегда оставался в тени этого великолепия.

Однако же и сам писал. И, судя по книге, к которой мы сейчас обратимся, обладал пером острым, живым, и что еще важнее — сострадательным.

Книга о русских музыкальных гениях, о «Могучей кучке»: Балакирев, Даргомыжский, Бородин, Римский-Корсаков, Кюи...

Мусоргский.

Из Рюриковичей и крепостных

Вот его первое появление — автор обращается к воспоминаниям Александра Бородина — 1856 году Александр Порфирьевич получил диплом военного медика и место ординатора при Военно-сухопутном госпитале. Тут и произошла знаменательная встреча...

«...Был конец сентября, уже холодный, но еще ясный день петербургской осени. Бородин отбывал свое дежурство, но в его отделении было мало больных, и его редко беспокоили. От скуки разговорился он с молодым офицером-преображенцем, тоже дежурившим в госпитале. Офицер представился: Мусоргский, с ударением на первом слоге...

Имя-отчество его было Модест Петрович. На вид он был совершенный птенец, да и на самом деле, как выяснилось в разговоре, ему было всего 17 лет. У него было курносое, типично русское лицо, какие встречаются у деревенских парней и у саврасов-купчиков, но неожиданны в офицерах гвардейского полка. Однако, присмотревшись, Бородин заметил в его чертах тонкость и мягкость. Манеры были хорошие, аристократические. И была в нем душевная открытость, характерная для юноши из хорошей семьи...

Через какие-то четверть часа они разговаривали так, будто давно были знакомы. О чем говорили они быстро и оживленно, а Мусоргский даже с мальчишеской, щенячьей доверчивостью? Это была пора, когда после проигранной Крымской кампании наступил мир и новое царствование, а вместе с ним новые, неопределенно-туманные и тем более прекрасные ожидания...

О войне, о предстоящем освобождении крестьян. Как было не радоваться этому? Что такое все так называемое благородное сословие, как наполовину не те же мужики? Вот Мусоргские происходят от Рюриковичей, князей смоленских, хотя давно потеряли титул. А бабка его крепостная была, и кузены мясят, верно, босыми ногами псковскую грязь...

Войлочные туфли злой судьбы

В тот же вечер они встретятся вновь — два офицера, два молодых человека. Два будущих гения русской музыки, создатель «Князя Игоря» и творец «Бориса Годунова»...

Но пока они еще ничего не знают о своей судьбе и премило проводят время на званом вечере у приятеля. Играют в фанты, музицируют, флиртуют с дамами. Причем офицер-преображе-

МОДИНЬКА

нец, судя по всему, имеет явно больший успех у дам, нежели офицер-медик: то-то Бородину не очень нравится, как припомажены волосы его нового знакомого, как обтягивает талию темно-зеленый, с иголочки, мундирчик, и даже как обточены его ногти!

А Модинька явно пользуется популярностью: ухаживает за хозяйской дочкой и ее подружками, говорит в нос, мешает русский язык с «не совсем правильным французским»...

А потом садится за рояль — по многочисленным просьбам гостей и слушателей. «Не без кокетства», опять же не без яду замечает Бородин, взмахивая ручками, играет отрывки из «Трубадура» и «Травиаты» и всякие пьесы из салонного репертуара тех лет. Дамы ахают и восторгаются...

...Не правда ли, как странно? Как не вяжется этот облик с тем, к чему мы привыкли, хрестоматийному образу чего-то такого «вдохновенного», и «дерзновенного», и «титанического» и Бог знает какого еще? Романически-байронического «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть»?

А тут — фат, офицерик, баловень судьбы, любимец барышень. Как говорит тот же Цетлин: «молодой человек стоит на пороге жизни, и жизнь встречает его благоприятными ауспичиями. Все обещает ему счастье и покой. Он богат, у него живые умственные интересы, он носит мундир офицера аристократического полка, у него приятные способности к музыке, делающие его желанным в каждой гостиной»...

Кто заметит, что все это — обман, что злая судьба подкрадывается в войлочных туфлях? Что внутренняя судьба, характер, «демон» человека влечет его на страдания, в бездну? Что салонный талант окажется даром огромным и требовательным, готовым разразиться, как раковая клетка, стать неизлечимой болезнью?

Ибо разрушительную силу гениального таланта могут выдержать только богатые натуры...

Право, не скажешь лучше! Она ведь действительно уже подкрадывалась к нему, злая судьба в войлочных туфлях, и «демон» человека уже начал плести свою удавку...

«Плачешь, смеешься, а слушать решительно нечего!...»

Какой образ отличный: «внутренняя судьба»! В самом деле: тебе семнадцать лет и ты ничегошеньки не знаешь о жизни, и о себе ты ничего не знаешь, и весь ты еще — всего лишь мальчишески-щенячий восторг перед жизнью!

Но сидит что-то внутри тебя, и это «что-то» сильнее тебя самого, и диктует непреложно свою волю, и поступаешь ты так, а не иначе, как будто уже все за тебя решено и расплачено заранее.

Есть ли смысл перечислять «вехи», «этапы», «кульминационные моменты» его жизни? Откройте музыкальную энциклопедию — там все разложено по полочкам и годам.

И сможете прочитать, что «поворотным моментом в жизни М. стало знакомство в 1857 году с Даргомыжским, а затем с молодым Балакиревым. Тогда же начались их музыкальные занятия и тесная дружба. Но офицерская служба отнимала слишком много времени и отвлекала от серьезной творческой работы. Вот почему через год М. выходит в отставку и всецело посвящает себя музыке...

В начале 60-х М. работает над своей первой оперой «Саламбо» по роману Флобера, в 1867 году создается симфоническая картина «Ночь на Лысой горе», появляются песни на слова Некрасова «Калистрат», «Колыбельная Еремуске»...

Вся сила таланта М. раскрылась в опере «Борис Годунов», которая была

начата в 1868 году. Он жил в непрерывном творческом горении...

Но что значат все эти слова в сравнении с музыкой?! С его музыкой, с его «Борисом»? Искренне, не шутя советую вам: бросьте-ка вы это чтение, отложите все на свете энциклопедии и просто поставьте пластинку, или заведите кассету, или диск!

И слушайте. Слушайте. Слушайте!

...Сделали, как я велела? А можете себе представить, что после первого исполнения на сцене оперы 27 января 1874 года некая дама (взволнованная, впрочем, дама, и даже с красными от слез глазами) искренне возмущалась:

Безобразия, а не опера! Тут и музыки совсем нет. Плачешь, смеешься, а слушать решительно нечего!

И таково было почти общее, единодушное мнение: опера плоха.

Каково было ему?

Скорбит душа

И в самом деле, каково это: горю, творишь, вкладываешь душу...

А тебе заявляют, что все это — плохо, чепуха, чушь, и даже что это — «позор на всю Россию, а не опера!»

Как пережить этот плевок, эту пощечину, этот удар? И ладно бы от публики, которая, как всем известно, во все времена «дура» — но от «своих»? От собрата-музыканта, композитора?

Больнее всего, горше всего, незаживающей раной в сердце стала для Мусоргского статья Цезаря Кюи, в которой он разнес несчастного «Модиньку» и его «Бориса». Статья пестрела пассажами типа «произведение незрелое», «разбросанность музыкальных мыслей». Опера даже выходила по его словам «попурриобразной», но проистекало это, по мнению автора, «не от творческого бессилия, а оттого, что автор не довольно критически относится к себе, от неразборчивого, самодовольного, спешного сочинительства...»

Мусоргский едва не кричал от обиды и боли. За что? Почему? — спрашивал себя Модест...

И не находил иного объяснения, кроме зависти и низости.

Когда тебя не понимают и не ценят — что может быть страшнее для человека?!

И как тут не вспомнить слова, уже приведенные выше:

«Ибо разрушительную силу гениального таланта могут выдержать только богатые натуры...»

Погибшая сила

Снова Цетлин:

«Жизнь сделала злое дело — превратила гениального музыканта в запойного пьяницу.

Этого не объяснишь только слабостью. Мусоргский не был сильным человеком, но воля его была крепка в верности своим идеям... И потому ищешь в этой болезни русских талантов доли непримиримости к жизни, того, что иногда называют «неприятным» ее. Ставя к ней невыполнимые требования и ища забвения и обманчивой радости, они губили себя...»

Витиевато сказано, с эдакой старомодной неуклюжестью. Но суть-то понятна и прозрачна: жизнь сгубила, а человек все-таки слаб.

Непостижимо, верно? Такая сила в музыке! А человек, написавший ее... слаб?

Да полно, что мы знаем о Человеке? В себе подчас разобраться не можем, куда уж там... Сложная, смутная, невнятная личная жизнь, странная любовь к женщине много старше его, приятельнице его матери Надежде Петровне Опочининой.

Что мы знаем о ней? Только то, что он посвящал ей больше романсов, чем кому бы то ни было. Хотя бы эти: «Ночь» и «Расстались гордо мы».

Они писали друг другу, но ни его, ни ее письма не сохранились. По-видимому, были уничтожены. Они стыдились

своей любви, скрывали ее от света. И унесли свою тайну в могилу.

В друзьях был, вроде бы, более счастлив — особенно с Римским-Корсаковым, которого называл «Корсинька».

А он его, соответственно, «Модинька». Но нет: и с друзьями — сложные, невнятные, запутанные отношения...

Слаб человек!

Победившая слабость?

«...За несколько лет Мусоргский изменился даже физически. Его фигура сделалась плотнее и неповоротливой, голос сиплым... в трезвом состоянии он еще сохранял обычное свое изящество манер. Но когда на него «находило», делался вспыльчив, обидчив... устраивал скандалы в публичных местах, ссорился с буфетчицами и официантами... пристрастился к ночным кабакам и трактирам, особенно же к «Малому Ярославцу» на Большой Морской, где все его знали, где всегда можно было найти собутыльника и слушателя для монологов об искусстве...»

И хозяин, и покровитель относились к нему с почтительной фамильярностью, сообщали новым гостям: «Знаменитейший композитор-с, их опера на императорском Мариинском ставится!»

Здесь можно было «наконьчаться» до любого градуса в компании мелких актеров, цирковых артистов, жокеев...

Отсюда до известного всем портрета Репина уже рукой подать.

Болезнь прогрессировала стремительно. Начались припадки.

Друзья устроили его в Николаевский военный госпиталь — чтобы формально обойти запрещение помещать туда штатских, композитора записали... вольноопределяющимся денщиком.

Опять из книги:

«...Палата его была чистая, просторная, с ярко выбеленными стенами, но это была обычная общая палата, и в ней стояли пустые кровати. Когда Мусоргский увидел их, он в испуге отшатнулся. Его едва успокоили...

Когда об этом инциденте рассказали Балакиреву, он не нашел ничего лучшего, как заметить, что это, мол, даже полезно для спасения души грешного Мусоргянина...

Несмотря на эти жестокие благочестивые слова он поспешил навестить друга. Вообще, как это часто бывает, когда приходит непоправимое, всполюжились друзья и окружили больного запоздалым, почти уже ненужным ему вниманием...

У Мусоргского не было даже приличного халата и, чтобы не надевать больного, ему привезли красивый серый халат с малиновым воротником.

В нем он и позировал художнику Илье Репину — в том самом халате, который привез ему в больницу... кто бы вы думали?

Цезарь Кюи. Тот самый, кто написал ту ужасную для Модиньки статью... Вот и суди тут о людях.

Портрет остался незаконченным. В ночь на 16 марта 1881 года, в 42-ю годовщину своего рождения Мусоргский умер.

Когда хоронили, у разверстой могилы в Александро-Невской лавре говорили много, прочувствованно. «Пока будет существовать Россия и звучать речь и песня ее, будут помнить Модеста Мусоргского!»

...Как это горько. И как не нужны, тут, в сущности, никакие слова.

Хотя бы и правильные.

Нет, искренне и не шутя советую вам: отложите вы всякое чтение, и просто поставьте пластинку. Или кассету. Или диск.

Его «Бориса» или его «Хованщину».

И слушайте. Слушайте. Слушайте!

И больше, в сущности, ничего не надо.

Подготовила Ольга МОЗГОВАЯ